

ДЕРБЕНТСКОЕ ВЛАДЕНИЕ В ПЕРИОД АНТИИРАНСКИХ ВОССТАНИЙ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

Н.А. Магомедов
Институт ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала
(sharqfutdin@yandex.ru)

Аннотация: В статье рассматривается политическое положение Дербента в первой половине XVIII в., когда на Восточном Кавказе были сильны антииранские настроения. Показана позиция правителей и жителей города и его округа в период антииранских восстаний.

Annotation: In article political position of Derbent in the first half of the XVIII century when in East Caucasus the anti-Iranian moods were strong is considered. The position of governors and residents and its district during the anti-Iranian revolts is shown.

Ключевые слова: Дербент, Дербентское владение, Хаджи-Давуд, антииранские восстания, позиция дербентцев.

Keywords: Derbent, Derbent possession, Hagi-Dawood, anti-Iranian revolts, position of residents of Derbent.

На политическое положение Дербентского ханства в первой половине XVIII в. сильнейшее влияние оказывали события, происходившие не только в самом ханстве, но и в соседних с ним областях Дагестана, Азербайджана и Ирана. Оно зависело также от политики России и Турции по отношению к Кавказу и Дагестану, в частности.

До начала 20-х гг. XVIII в. политическое положение Дербентского ханства определялось влиянием на него событий, связанных с экономическим и политическим упадком Сефевидской державы, с начавшейся против ее диктата борьбой народов Закавказья, особенно, жителей Ширвана и Южного Дагестана, в которую были втянуты и другие горцы Дагестана. В эту борьбу были втянуты и жители Дербентского ханства, испытывавшие гнет сефевидских наместников, обосновавшихся в Дербенте и на местах. В создавшихся условиях правители Дербента не могли проявлять самостоятельность во внешней политике, и вынуждены были следовать указаниям шахского двора.

Начало 20-х гг. XVIII в. еще более осложнило политическое положение Дербентского ханства, которое в результате «персидского» или «восточного» похода Петра I в Прикаспий в 1722 г. было захвачено царскими войсками вплоть до их премещения на правый берег Терека в 1735 г. Естественно, и в этой ситуации не могло быть и речи о самостоятельной внешней политике дербентских правителей.

Еще более тяжелая ситуация сложилась в Дербентском ханстве и, собственно самом Дербенте в период завоевательных походов Надир-шаха с целью покорения Дагестана в целом. Этот период охватывал 30-40-е гг. XVIII в. и характеризовался открытым диктатом Надир-шаха и его наместников в Дербенте по всем вопросам внешней и внутренней политики. Через Дербент перемещались полчища иранских завоевателей, направленных Надир-шахом на покорение народов Дагестана, через него же, ограбив и опустошив аулы, остатки этих полчищ уходили обратно.

Первая треть XVIII в. характеризуется в истории сефевидской державы глубоким экономическим кризисом и резким обострением классовых противоречий. Упадок земледелия, ремесла и внешней торговли, сокращение поступлений в виде военной добычи – все это вызывало уменьшение доходов государственной казны и феодальной знати. И верно отмечено М.С. Ивановым, что «одним из наиболее важных факторов, обусловивших разложение и упадок сефевидского государства, была чрезмерная, чем дальше, тем больше возрастающая феодальная эксплуатация крестьянства и трудового населения городов, которая не только сопровождалась ростом производительных сил, но и приводила к подрыву сельского хозяйства и ремесла» (Иванов М.С., 1952. С. 78).

Прочность сефевидского государства подрывали также междоусобная борьба феодальных группировок, коррупция, разложение шахского двора, изменение торговых путей в результате освоения морского пути вокруг Африки, уменьшавшего значение сухопутного пути через Иран. В связи с общим упадком снижалось и влияние сефевидской державы на народы Восточного Кавказа, которые все еще находились под ее властью, ощущали рост податного бремени сефевидов, старавшихся увеличением налогов предотвратить свое падение. На захваченных Ираном территориях, подушная подать была увеличена втрое. Были введены новые подати: ихражат-и шахзадэ – сбор на содержание шахских сыновей, «шеш динар» сбор динаров в шесть динаров и др. (*Гаджиев В.Г.*, 1963. С. 121). Налогом облагались не только крестьяне, но и ремесленники и купцы. При взимании налогов принимались в расчет размеры земель, количество воды, сады, пастбища, стада, табуны разных животных и все то, что необходимо человеку (*Тамай А.*, 1957. С. 79).

В условиях крайнего разорения народных масс шахом издавались фирманы (указы), обязывающие население сообщать властям о скрывающихся налогоплательщиках, грозя смертной казнью в случае укрывательства и т.д. Один из шахских указов гласил: «Если кто найдет укрывающегося и спрятавшегося (налогоплательщика) и сообщит о нем шаху, то голову укрывающегося – шаху, а имущество станет добычей того лица, которое донесло о нем» (*Тамай А.*, 1957. С. 80).

Кроме того, наместники сефевидов – беглербеи и другие лица иранской администрации – при сборе налогов произвольно увеличивали их в 2 – 3 раза. «Доходов государственных, как сказывают, с Шемахи и со всей провинции Ширванской, с прилегающих городов и деревень к Шемахе, – свидетельствует А.Волынский, – собирается ... по 80000 рублей персидскою монетою. Однако ж, сверх сего оклада управители обыкновенно вдвое или втрое каждый год собирают и по своим карманам делят» (Цит. по: *Зевакин Е.*, 1926. С. 12). Всю тяжесть иранского гнета испытывало на себе и население Дербента, Дербентского ханства и других мест Южного Дагестана. В Дербенте, – писал Гербер, – всегда «имелись султаны или губернаторы, также наипы. Султаны всегда присылались от шаха их Испогани и великую власть имели над всеми к Дербенту надлежащими уездами» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 85).

Гербер указывал также, что «городу Дербенту еще следующие уезды подчинены: Мушкур, Низават, Шавран, Рустау и Бермяк, и доходы из оных собирал султан дербентской ... понеже он, султан, сам из сих доходов великое жалованье имел и, кроме жалованья от шаха, уволен был 5000 тумен, или 50000 рублями, ежегодно, употреблял в подарки, кожан по всей воле жаловать хотел... В близости Дербента, лежащие два уезда, Табасаран и Куба, повинны были оному султану послушны быть и по его приказу воинскую службу отправлять» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 86). Наместники шаха в Дербенте неоднократно делали попытки подчинить своей власти и союзы сельских общин Самурской долины. «Султаны дербенские, – сообщает И.Гербер, – их яко поданными к Персии почесть хотели и к тому принуждать трудились и для того часто великая команда из Дербента посылалась, чтобы их силою под владение привести» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 77). Такие произвол и насилие со стороны шахских и местных властей не могли не вызвать возникновение в первой половине XVIII в. в Азербайджане и Южном Дагестане сильного антииранского движения. Крестьянские массы не только уклонялись от уплаты крайне обременительных налогов, но и не раз подымались в защиту своих прав (*Левиатов В.*, 1948. С. 78).

В районах приморского и Южного Дагестана сефевидами строились крепости и укрепления, являющиеся их опорными пунктами. Они вызывали особую тревогу у населения Дагестана, так как могли быть в любое время использованы для новых вторжений в Дагестан, во внутренние дела которого шахи вмешивались в это время, утверждая феодалов во владельческих правах, выдавая им фирманы на земельные угодия и т.д. В частности, в 1711 г. шах Гусейн утвердил Ахмед-хана уцмием, которому «было дано ... кроме доходов с Кайтагского владения, увеличение жалованья со ста туманов до двухсот туманов» (Цит. по: *Гаджиев В.Г.*, 1963. С. 122). И. Гербер писал, что, кроме доходов, взимаемых с жителей Кайтага, «получал усмей прежде сего от шаха ко оным доходам еще в прибавок каждой год по 2000 рублей, напротив того он повинен со своими поданными воинскую службу по требованию отправлять» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 83). Такую же политику проявляли шахи Ирана и по отношению к шамхалу. Каждый год шамхал получал от шаха 4000 туманов. «Он повинен был за которые деньги несколько войска содержать» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 71). В лице уцмия шах видел еще и своего сторонника.

Сефевидский Иран в начале XVIII в. представлял угрозу для политической независимости народов Дагестана. Кроме того, горцы Дагестана, являющиеся суннитами, подвергались и религиозным гонениям со стороны шиитов, что вызывало так же недовольство народных масс.

В самом начале изучаемого периода народное негодование выражалось, главным образом, в форме побегов крестьян в отдаленные места, в формировании отрядов, совершавших нападения на отдельные феодальные поместья и купеческие караваны (*Левиатов В.*, 1948. С. 66–68).

Одно из первых крупных антииранских восстаний произошло в 1707 г. в Джаро-Белооканских вольных обществах, к которым присоединились цахуры. Выступление жителей вызвало в Иране большую тревогу. Против повстанцев шах направил своего наместника в Кахетии Имамкули-хана. При подавлении восстания было сожжено с. Джар (*Магомедов Р.М.*, 1961. С. 182). Джарцы восстали не из-за тяжести налогов, они сами получали от шахов жалованье за их сторожевую службу на окраине государства, а вернее за то, что воздерживались от набегов на подвластные Ирану провинции и находились в подданстве у шаха. Однако, из-за неурядиц в Иране и злоупотреблений ширванских беглербеков джарцам несколько лет подряд не платили полагающееся им жалованье. «Шемахинцы пребывали еще в смятении, – писал посланник из Ирана князю П.М. Гагарину, – с персиянами и у них многие за несколько деревни поджигали и пограбили» (Цит. по: *Эзов Г.А.*, 1898. С. 25).

В 1709 г. произошло вооруженное столкновение между войсками ширванского беглярбега и повстанческими отрядами, в результате чего повстанцы потерпели поражение. Их предводители, оставив на поле битвы много убитых и раненых, удалились на юг (*Эзов Г.А.*, 1898. С. 25).

Надо отметить то, что в восстание включилась и часть феодалов, и местного мусульманского духовенства, используя разногласия шиитов и суннитов для укрепления своей власти, приумножения богатства, расширения границ своих владений, что отмечал в свое время А. Неверовский, писавший: «Владельцы воспользовались этими волнениями, чтобы совершенно отложиться, а предприимчивым людям было открыто свободное поприще для приобретения новой власти, новых владений» (*Неверовский А.*, 1848). В 1710 г. начались волнения в Кайтаге. Кайтагцы выступали против феодального угнетения и колониальной политики сефевидов по отношению к ним. К восставшим примкнул и уцмий кайтагский Ахмед-хан. Став во главе восставших, он придал восстанию исключительно антииранский характер.

В 1711 г. восстания против иранских властей снова начались в Джаро-Белооканских обществах, а также среди лакцев и южнодагестанцев. К восставшим примкнуло население Шеки и Ширвана. Во главе повстанцев стоял уроженец сс. Дедели Мюшкюрского уезда Хаджи-Дауд. Он был простого происхождения, но обучился грамоте. Совершив паломничество в Мекку, он стал называться Хаджи Дауд и сумел выдвинуться в духовные руководители мюшкюрского суннитского медресе. Хаджи-Дауда поддержал уцмий Кайтага, который отправил к нему отряд под предводительством Муртузали. В 1711 г. повстанцы, во главе с Хаджи-Даудом и Муртузали взяли Шабран, затем Дербент и Худат, где убили кубинского хана Султан-Ахмед-хана ..., истребили его сторонников и членов его семьи. В это время повстанцы Джара, Тала и Цахура разбили в Нухинском уезде шахские войска, возглавляемые правители Ширвана Гусейн-Алиханом. Вскоре после взятия повстанцами Худата в Кубинское ханство прибыл уцмий Кайтага со своим войском, акушинцами и другими горцами, которых привлек на свою сторону посредством подарков (*Гаджиев В.Г.*, 1963. С. 125). Туда же прибыл и правитель Казикумуха Сурхай-хан с многочисленным ополчением.

Объединенные отряды совершали нападения на иранские гарнизоны, укрепленные пункты и т.д. Осенью 1711 г. Хаджи-Дауд, Сурхай-хан и Ахмед-хан осадили административный центр Северного Азербайджана – Шемаху. Встретив сильное сопротивление, они вынуждены были снять осаду, хотя и не оставили намерений захватить Шемаху. Дипломатический курьер Российского государства, проезжая через Ширван, писал, что «около Шемахи многие учинили мятежи, грабежи и для того опасаясь я через Шемаху поехать, принужден назад возвратиться». Шах Ирана обратился к шамхалу Адиль-Гирею с просьбой предотвратить намечаемое выступление горцев. Шамхал предложил уцмию Ахмед-хану не принимать участия в подготавливаемом выступлении. Он даже пригрозил уцмию, заявив, что, если уцмий из Кайтага выступит в поход, завладеть его владениями и не дать ему вернуться туда (*Гаджиев В.Г.*, 1963. С. 126).

В силу этого Ахмед-хан вынужден был остаться в Кайтаге, отправив на соединение с повстанцами вооруженный отряд под командованием своего сына.

Вопрос о походе горцев в Шемаху 1712 г. рассматривается по-разному. Одни авторы считают, что Шемаха была захвачена повстанцами в 1712 и 1721 г. (*Бутков П.Г.*, 1869; *Левиатов В.*, 1948; *Тамай А.*, 1957; *Гаджиев В.Г.*, 1963). Другие утверждают, что Шемаха была захвачена повстанцами под руководством Хаджи Давуда, лишь в 1721 г. (*Абдуллаев Г.Б.*, 1965.). На наш взгляд, поход был совершен против Шемахи и в 1712 и в 1721 гг. Интересно мнение П.Г. Буткова: «Сурхай и Давуд-бег взбунтовались против шаха, вместе производили грабежи и в 1712 г., соединенные с лезгами и другими разных наций мятежными людьми, причинили великое опустошение городу Шемаха, отправлявшему знатную торговлю с азиатами и европейцами превосходным своим шелком и другими вещами. Сурхай и Гаджи Давуд со всеми своими и частью войска Ахмед-хана, пошли на Шемаху и с помощью тамошних суннитов после 15-ти дневной осады, в 1124 (1712 г.) взяли ее и совершенно ограбили шиитов» (*Бутков П.Г.*, 1869. С. 3).

Р.М. Магомедов также утверждает, что в 1712 г. восставшие во главе с Чолак-Сурхаем и Хаджи-Даудом осадили Шемаху и после 15-дневной осады взяли ее. Шахский беглербек Гусейн-хан и его приближенные были убиты. Город подвергся грабежу, от чего пострадали не только иранцы, жившие в Шемахе, но и русские купцы, у которых разграбили товары на сумму около четырех миллионов рублей серебром (*Магомедов Р.М.*, 1957. С. 318). В.Г.Гаджиев так же считал, что весной 1712 г. объединенные отряды горцев во главе с Хаджи-Даудом, Сурхай-ханом и Хаспулатом напали на Шемаху и штурмом овладели ею (*Гаджиев В.Г.*, 1963. С. 126).

В Шемахе Хаджи-Дауд и Сурхай-хан оставались недолго из-за отсутствия у них единого плана действий, а также из-за противоречий в лагере горцев, существовавших с самого начала их борьбы (*Гаджиев В.Г.*, 1963. С. 126).

Жители Ахты-пары помогали Дауд-беку и Сурхай-хану, при этом «они добычею себя не забывали и богателись, и куда приходили себя добычего не забывали и богателись, с обывателями немилосердно поступали» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 78). По словам того же автора «куралинцы, дагестанцы, лезгины и прочие из гор пристали к Дауд-беку и Сурхаю, потом пошли оные к Шемахе ... силою ворвались, хана и всех людей высоких побили, так же и других обитателей, город ограбили ... Хаджи-Дауд сиделище свое взял в Шемахе и оный город, как и всю провинцию, с Сурхаем разделил» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 78). В дальнейшем повстанцы напали на Акташ, Шабран, Низабанд, угрожали вновь Шемахе и Дербенту. Действия «лезгинских отрядов», сопровождаемые грабежом и разорением не связанного с иранской администрацией населения, были одной из главных причин отхода народных масс от движения и его ослабления. В 1719 г. шахские войска, воспользовавшись уходом основных сил восставших дагестанцев к себе в горы, захватили Хаджи-Давуда и заключили его в Дербентскую крепость. Но Хаджи-Давуду удалось бежать, и он стал готовить новое выступление против Ирана.

Первым из городов, к которому подступили и отряды повстанцев, был Шабран – один из главных центров Ширвана. Находившийся в городе малочисленный гарнизон иранских войск не смог оказать сопротивление численно превосходящим отрядам повстанцев, ворвавшимся в город в июне 1720 г. Далее Хаджи-Давуд и Сурхай-хан повели свои отряды на север, намереваясь захватить Кубу и Дербент с округами. Дербентом в то время правил бывший наиб города Имам Кули бек, так как султан дербентский, предвидя грядущее, во время мятежа в Ширване в 1720 г. «побег свой взял в Персию к шаху» (*Гаджиев В.Г.*, 1963. С. 126).

Хаджи-Давуду не удалось овладеть хорошо укрепленной Дербентской крепостью. Неудача в Дербенте убедила Хаджи-Давуда, что для достижения своей цели надо найти силы, которые можно было бы использовать для борьбы против Ирана. И он решил обратиться за помощью к Российскому государству. В одном письме Хаджи-Давуда астраханскому воеводе И.В. Кикину от 22 апреля 1721 г. говорилось: «... Преж сего от кызылбаш многие обиды были и покою нам от них не стало для того, что они сделали обиду через силу и за то стали мы с ними, кызылбаш, в неприязнестве и за свою кровь им отомстим, и Дербень, и Шемаху, Баку осадили, а я ныне для дружелюбия просветлейшему и державшему великому государю под руку иттить так же, и юрты свои отдать и ему государю верно служить готов, а ныне присланному от вас в одном судне чепаром мы сказали и по своей вере единым богом, и по курану, и по шарияту и по муртузалиевой голове, чтоб приезжали к нам торговые люди, а мы и волосам и не тронем, а я ныне чаю, что у нас будет все под моею рукою и что они, торговые люди, ни в чем не опасались ...» (*Гаджиев В.Г.*, 1963. С. 129). В другом письме тому же И.В. Кикину Хаджи-Дауд писал: «Ныне я хочу с вашею милостию дружелюбия иметь и соседство и доноси мои слова великому государю, чтоб по своему указу велел своим торговым людям свинцу и железа и прочее, что нам надобно, провозить, а мы

сторонним людям продавать не будем и всем закажем, а от нас буде понадобитца шолк и иное что, то окроме государевых людей продавать не будем и будем заказывать, и ныне у нас шолк поспеет в скорых числах» (Русско-дагестанские отношения в XVII – нач. XVIII вв.), 1958. С. 240–241). В письме представителям России Хаджи-Давуд заявил, что он ведет войну «не для властолюбия и богатства и не для чего иного, кроме того, что освободить суннитов от кызылбаш» (Русско-дагестанские отношения в XVII – нач. XVIII вв.), 1958. С. 241). Тем временем бывший посланник, недавно назначенный губернатором Астраханской области А.П. Вольнский по поручению правительства обратился с письмом к Хаджи Давуду, в котором спрашивал его, имеет ли он желание стать подданным Русского государства?

Разобравшись во всех делах Хаджи-Дауда, А.П. Вольнский писал Петру I: «кажется мне, Дауд-бек ни к чему не потребен: посылал я к нему отсюда поручика, через которого ответствует ко мне, что, конечно, желает служить в.в., однакож, чтобы вы изволили прислать к нему свои войска и довольное число пушек, а он, конечно, отберет города от персиян, и которые ему удобны, те себе оставит (а именно Дербент и Шемаху), а также уступит в.в., как по той стороне куры реку до самой Испогани, чего в руках никогда не будет, и тако хочет, чтоб ваших был труд, а его польза» (Гаджиев В.Г., 1963. С. 129).

Несмотря на неудачные попытки заручиться поддержкой России, Хаджи Давуд продолжал готовиться к штурму Шемахи, склонив на свою сторону Сурхай-хана Казикумухского. Это произошло в 1721 г., когда афганцы, поднявшие восстание в Кандагаре, предприняли свой поход, положивший конец правлению сефевидской династии. Перед лицом страшной опасности шах Султан Гусейн обратился к вассальным владельцам Дагестана с просьбой о военной помощи. Лишь шамхал Тарковский Адиль-Герей сделал безуспешную попытку послать войско в Иран. Собранное шамхалом войско, выступившее в помощь шаху под предводительством Сурхай-хана, Гаджи Давуд сумел склонить на свою сторону. Сурхай-хан согласился присоединиться к Гаджи-Давуду. Хаджи Давуда борьба с иранскими властями придавал сугубо антииранский характер (Голиков И., 1839. С. 52).

Антисефевидская пропаганда Хаджи-Давуда собрала толпу недовольных людей. Вскоре к нему присоединилась часть жителей Рустау. По этому поводу у Гербера сказано: «Во время ребеллии и конфузии рустауские деревни между собой разделились и те, близ Дагестани лежащие, соединились с нижними дагестанцами, а другие к бунтовщикам пристали и Дауд-беку поддались» (Гербер И.-Г., 1958. С. 95).

Осенью того же 1721 года астраханскому губернатору через кабардинских князей стало известно, что «Давуд-бек и Сурхай послали к турецкому султану через крымского хана, чтобы он их принял под свою протекцию и прислал бы свои войска для охранения Шемахи» (Бутков П.Г., 1869. С. 8).

В борьбу с иранскими властями, кроме дагестанцев, во главе с Хаджи-Давудом и Сурхай-ханом, были втянуты и куткашенский мелик Махмуд, его брат Ахмед и их сыновья. Действия этих феодалов вызвали подозрение у ширванского беглярбея, который донес иранскому правительству об их неблагонадежности. В наказание шах приказал отобрать у этих Меликов все имущество, стоимостью более ста тысяч туманов (Абдурахманов А., 1964. С. 73). Сыновьям Меликовых удалось бежать из контролируемых шахской администрацией мест и примкнуть к повстанцам.

Хаджи-Давуд еще больше усилил антииранскую деятельность, рассылал в разные общества Дагестана письма с призывом подняться против сефевидов, организовал отряды, уговаривал феодальных владельцев Дагестана выступить против Ирана. Исследователями отмечено, что большие людские резервы, на которые в своих внешних предприятиях старались опираться дагестанские князья, были в горных вольных общинах (Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К., 1996. С. 62). Население этих обществ играло активную роль и в указанном движении готово поддержать крестьянство предгорий, страдавшее под властью иранских феодалов.

Ориентации вождей этого движения Хаджи-Дауда и Сурхай-хана заслуживает внимания и вопрос внешнеполитический, которая явно носила протурецкий характер и, «была обусловлена классовыми и национально-религиозными интересами феодалов-суннитов» (Лысцов В.П., 1956. С. 106). Каждый из них старался стать не только ханом Ширвана, но и сохранить старые формы феодальной эксплуатации и сделать суннизм господствующим вероисповеданием. В силу этого суннитская Турция, несомненно, больше импонировала руководителям движения, чем Россия.

Султанская Турция, которая издавна боролась с Ираном за овладение Кавказом, пользуясь ослаблением последнего, с самого начала XVIII в. делала все, чтобы свести на нет его внимание в Закавказье и не допустить усиления позиций России на Кавказе, чтобы окончательно прибрать его

к своим рукам. Важное значение при этом, естественно, придавалось и Дербенту, и Дербентскому ханству в целом.

Собрав огромную массу людей различного достатка и социального положения, Хаджи-Давуд в союзе с Сурхай-ханом Казикумухским нанесли удар по Шемахе. Захват Шемахи повстанцами в 1721 г. назван был «шемахинский трагедией». Ход «трагедии» был следующий: Первоначально к городу подступил небольшой отряд в составе 1000 человек. Против них был направлен шахом муганский Мухаммед-хан с войском в три тысячи человек. Однако повстанческий отряд сбил их и гнал до самого города. Но повстанцы не вошли в город, опасаясь, что сил у них меньше, чем у неприятеля. Они вынуждены были с потерями вернуться к Хаджи-Давуду, приближающемуся с огромным войском к Шемахе.

На следующее утро повстанцы сделали попытку ворваться в город. Однако их попытка вновь была неудачной. Гусейн-хан не без помощи части городского населения отбил атаку, но не рискнул оставаться больше в городе. «10 августа 1170 (1721 г.) все эти племена лезгин вместе со своими главарями – выше упомянутым Сурхаем, Шамхалом, Исмином (усмием), Хаджи-Давудом и Али-Султаном всем своим могуществом подошли к городу Шемахе, вели в течение восьми дней ожесточенные сражения, но взять его не смогли». Шемаха была взята «во время поста богородицы в среду 1170 года армянского», т.е. в августе 1721 г. Победители ворвались в город и в первый день проложили «себе дорогу в суннитский квартал, где они окопались» (*Левиатов В.*, 1948. С. 71). Рано утром на следующий день они намеривались закончить захват города. Губернатор недолго сопротивлялся и сдался. Беглербек Шемахи Хусейн-хан и его военачальники, а также около 800 человек городской знати, как люди шаха, были убиты (*История Дагестана*, 2004. С. 343–344). А.Волынский писал: «После взятия города стали зажигать и грабить дома знатных. Между тем хана взяли в полон, а знатных порубили, купцы, которые ... были оные обнадеживаемы, что их грабить не будут, но потом к вечеру и к ним в гостиный двор напали ... иных побили, а товары все разграбили, которых было около 500000 (в том числе у одного М. Евреинова на 170000 руб. персидской монетою)» (*Левиатов В.*, 1948. С. 73).

Весть о взятии Шемахи облетела все Сефевидское государство. Однако шах в создавшейся обстановке все более усиливающихся антисефевидских народных выступлений, хозяйственного упадка и роста феодального сепаратизма не смог предпринять против действия Хаджи-Давуда каких-либо мер. В. Левиатов в «Очерках истории Азербайджана в XVIII веке», пишет, что после того, «... как восставшие взяли Шемаху, начальники Ганджи и Еревана известили об этом шаха и просили у него помощи. Но шах не мог оказать помощи: он сам в ней нуждался, будучи доведен до крайности все разраставшимися успехами восстания афганцев» (*Левиатов В.*, 1948. С. 71). Напуганный успехами Хаджи -Давуда ереванский хан осенью 1721 г. двинул свои войска в сторону Ширвана. Узнав об этом, Хаджи-Давуд и его союзники из Дагестана двинули свои войска через Куру и вступили в бой, который принес им успех. Шахская армия была обращена в бегство; часть ее бежала в Ереван, часть – в Ганджу, преследуемые повстанцами до самого подножья Карабахских гор (*Бакиханов А.-К.А.*, 1991. С. 103).

Осажденный афганскими войсками в Исфагане шах Султан-Гусейн требовал помощи от грузинского царя Вахтанга, но последний сам строил план достижения независимости от Ирана. Шах думал спасти свой трон с помощью Грузии, то приказывая Вахтангу идти к нему на помощь, то умолял его о помощи и задабривал подарками. На самом же деле Вахтанг VI, хотел, соединившись с ополченцами армянских Меликов, отправиться к Шемахе и ждать прихода русских войск.

Укрепление позиций Хаджи-Давуда в Ширване вызвало тревогу и озабоченность правящих кругов России. Будучи уверен, что в случае столкновения с Россией он не устоит, Хаджи-Давуд решил обратиться за поддержкой к Турции, враждовавшей тогда с Россией и Ираном и с ее помощью отстоять свою власть над Шемахой и т.д. Хаджи-Дауд и Сурхай-хан обратились к турецкому султану в 1721 г. «через крымского хана, чтоб он их принял под свою протекцию и прислал свои войска для охранения Шемахи» (*Левиатов В.*, 1948. С. 74).

Турецкий султан с большой охотой откликнулся на просьбу Хаджи-Давуда и пригласил его для переговоров в Стамбул. Во время переговоров Хаджи-Давуд просил у султана военную поддержку, обещая признать вассальную зависимость от Турции, но оставляя за собой право на внутреннюю автономию.

Русское правительство предписало своему послу в Константинополе, воспрепятствовать приему Хаджи-Давуда и Сурхай-хана в турецкое подданство. «Мы знаем, – говорил визирь русскому послу Неплюеву, – что эти бунтовщики немалую сделали обиду русским купцам: потому

то мы их защищать не будем, пока ваш государь не получил полного удовлетворения» (*Бакиханов А.-К.А.*, 1991. С. 103). Однако Турция, дав обещание из боязни вызвать недовольство России и Ирана, на деле не переставала вести антироссийскую деятельность на Кавказе.

По возвращении из Турции Хаджи-Давуду удалось фактически отстранить от руководства Сурхай-хана, и самому стать правителем Ширвана, признавшего вассальную зависимость от Турции.

Турция, принимая Хаджи-Давуда под покровительство, стремилась реализовать свои захватнические планы в отношении Дагестана и выйти к берегам Каспийского моря, оккупировать Дербент.

Все это в корне противоречило планам Российского государства и заставило русское правительство действовать более решительно, работать на опережение.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдуллаев Г.Б.* Азербайджан во взаимоотношениях с Россией. Баку, 1965. 621 с.
- Абдурахманов А.* Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в первой половине XVIII в. Баку, 1964. 207 с.
- Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К.* Союзы сельских общин в борьбе за независимость Дагестана в XVII – пер. пол. XVIII в. // Освободительная борьба народов Дагестана. Махачкала, 1996. С. 60–71.
- Алкадари Г.-Э.* Асари-Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. Махачкала, 1994. 173 с.
- Бакиханов А.-К.А.* Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991. 305 с.
- Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Ч. 1. СПб., 1869. 548 с.
- Гаджиев В.Г.* Борьба народов Дагестана против владычества Ирана в начале XVIII в. // Ученые записки Института ИЯЛ РФ АН СССР. Т. XI. Махачкала, 1963. С. 66–95.
- Гербер И.-Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. 1958. С. 60–20.
- Голиков И.* Деяния Петра Великого. Т. VIII. Изд. 2-е М., 1839. 268 с.
- Зевакин Е.* Азербайджан в начале XVIII в. Баку, 1926. 30 с.
- Иванов М.С.* Очерки истории Ирана. М., 1952. 456 с.
- История Дагестана. Т. 1. Махачкала, 2004. 627 с.
- Левиатов В.* Очерки истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948. 227 с.
- Лысцов В.П.* Персидский поход Петра I 1722 – 1723 гг. М., 1956. 247 с.
- Магомедов Р.М.* История Дагестана. Махачкала, 1961. 292 с.
- Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала, 1957. 408 с.
- Неверовский А.* Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848. 64 с.
- Русско-дагестанские отношения в XVII – нач. XVIII вв. Махачкала, 1958. 336 с.
- Тамай А.* Восстание 1711–1722 гг. в Азербайджане // Ученые записки Института ИЯЛ РФ АН СССР. Т. III. Махачкала, 1957. С. 78–85.
- Эзов Г.А.* Сношения Петра Великого с армянским народом. СПб., 1898. С. 23–28.